DOI: 10.17976/jpps/2023.02.08
EDN: OWQAPZ

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

И.Н. Тимофеев

ТИМОФЕЕВ Иван Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России, Москва, email: itimofeev@russiancouncil.ru

Тимофеев И.Н. 2023. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 103-119. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08. EDN: OWQAPZ

Статья поступила в редакцию: 31.10.2022. Принята к публикации: 07.12.2022

Аннотация. За последние десятилетия наука о международных отношениях (МО) накопила большой массив эмпирических исследований об использовании ограничительных мер (санкций) в качестве инструмента внешней политики. Эмпирические обобщения позволили добиться впечатляющего прогресса на уровне теории среднего уровня, однако их связь с фундаментальной теорией МО оставалась незначительной. Эмпирических исследований собрано столь много, что возникает потребность в фундаментальных категориях, способных обобщить их. Кроме того, наметились признаки изменений мирового порядка, а вместе с ними и характера применения санкций. Они в растущей степени используются в отношениях между крупными державами, тогда как долгое время после окончания холодной войны санкции применялись главным образом против так называемых стран-изгоев. Обращение к фундаментальной теории в подобных условиях имеет прикладной смысл, так как даже самые точные эмпирические расчеты, выполненные в устаревших или неадекватных категориях, способны дать неверные результаты. Для России это особенно актуально в условиях резкого усиления санкционного давления на страну после февраля 2022 г. Целью предлагаемой статьи является оценка применимости ключевых теорий международных отношений к исследованию политики санкций в меняющихся международных условиях. Основной тезис состоит в том, что в условиях трансформации мирового порядка подрываются сложившиеся механизмы взаимозависимости между государствами. Такие изменения расширяют “слепые зоны” неолиберальной теории МО, для которой понятие взаимозависимости является центральным. Понимание изменений современной политики санкций может потребовать понятийного аппарата реализма и других теорий международных отношений.

Ключевые слова: политика санкций, теория международных отношений, реализм, неолиберализм, конструктивизм.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тематика односторонних ограничительных мер (санкций) прочно вошла в исследовательскую повестку сразу нескольких научных дисциплин. Подобный интерес объясняется самой природой изучаемого явления. Зачастую санкции носят экономический характер, включая блокирование финансовых операций, запреты на экспорт и импорт, трансфер технологий, транспортное сообщение и т.п. Поэтому они неизбежно оказываются в поле зрения экономистов, изучающих их последствия для торговли и хозяйственных связей (см., например, [Гурвич, Прилепский 2016; Симонов 2015; Christen et al. 2017]). Нередко санкции закрепляются в нормах национального права,

подразумевая определенный правоприменительный процесс. В таком разрезе санкции попадают в сферу интересов юридических наук (см., например, [Гландин, Кадышева, Кешнер 2018; Примаков 2019]). Ограничительные меры не обходят стороной исследования социологов и психологов, анализирующих их с точки зрения восприятия различными социальными группами (см., например, [Нестик, Журавлев 2018]).

Отметим, что сущностная черта санкций состоит в их политической природе [Тимофеев 2018]. Санкции представляют собой составную часть политических конфликтов на международной арене. Их ключевые участники – государства, которые используют санкции для достижения своих целей в конфликтной ситуации. В числе таких целей – принуждение страны-мишени к смене внешней или внутренней политики, ограничение потенциалов стран-мишеней или негосударственных игроков, их изоляция от тех или иных финансовых и материальных ресурсов [Giumelli 2016]. Достижение таких целей обеспечивается нанесением экономического ущерба стране-мишени или отдельным лицам и организациям. Кроме того, само применение санкций представляет собой политический процесс, т.е. комплекс политических решений и бюрократических процедур, взаимодействие различных ветвей власти, политических групп и т.п. Своих политических целей добивается и страна-мишень, адаптируясь к санкциями или же нанося инициаторам встречный ущерб посредствам контрсанкций. Такие действия тоже выстраиваются в политический процесс. Иными словами, речь идет о политике санкций, а не о санкциях вообще. Конфликтная ситуация инициатора и мишени также представляет собой процесс политического взаимодействия, в котором санкции сочетаются с иными его составляющими, например, с дипломатией или применением военной силы. Санкции могут рассматриваться и как часть политической коммуникации (*signaling*), выступая в качестве "сигнала" стране-мишени, которая, в свою очередь, реагирует на него тем или иным образом [Giumelli 2016].

Функциональная нагрузка санкций как инструмента принуждения, а также процессы, связанные с принятием решений и имплементацией политики санкций, определяют их место в предметном поле науки о международных отношениях (МО). Вместе с тем, если отправной точкой исследования брать науку МО, то закономерно возникает вопрос о том, в каких именно категориях должна изучаться политика санкций. Логика научного исследования требует выбора "аналитических линз", или исходных концептуальных схем, задающих рамки исследования [Аллисон 2002]. Впоследствии такие "линзы" могут корректироваться с учетом эмпирических обобщений, но без них исследование рискует превратиться в набор случайных поисков. Источником для такого поиска должна быть и практика. В конечном счете санкции – прикладная проблема, изучение которой диктуется задачами национальной безопасности на уровне государственных ведомств и контроля риска на уровне компаний и корпораций. Но даже в этом случае прикладное исследование требует "дорожной карты" в виде работающих концепций и теорий.

За последние 30 лет в исследовании политики санкций наметился впечатляющий прогресс на уровне теорий среднего уровня, т.е., в терминах Р.К. Мертона, теорий, стоящих между общими теориями, "далекими от частных классов", и "теми подробными четкими описаниями частностей, которые совершенно не обобщены" [Мертон 2006: 64]. Сквозной исследовательской проблемой для таких теорий стал вопрос, почему санкции приводят к дости-

жению поставленных политических целей в одних случаях и проваливаются в других? При каких условиях санкции становятся эффективным политическим инструментом? Почему одним странам удается адаптироваться и успешно противостоять санкциям, а другие уступают требованиям инициаторов? Ученым удалось накопить обширные базы данных [Hufbauer et al. 2009; Bapat et al. 2013, 2014]. Были предложены оригинальные интерпретации эффективности санкций с точки зрения взаимодействия между государствами (см., например, [Drezner 1999; Rosenberg et al. 2016; Jones, Portela 2020]).

Отдельной темой стало изучение "приводных ремней" – процессов внутри государства-мишени, которые создавали условия для политических изменений под влиянием санкций [Grauvogel, von Soest 2014], а также процессов внутри стран-инициаторов, задающих институциональный контур политики санкций [Тимофеев 2022]. Проведено множество исследований кейсов применения санкций и адаптации к ним, в том числе с учетом опыта Ирана [Nephew 2018; Кожанов, Исаев 2019], КНДР [Haggard, Noland 2017; Коргун, Толорая 2022], КНР [Кашин и др. 2020], Кубы [Spadoni 2010], России [Connolly 2018], Беларуси [Timofeev 2021a]. Вслед за распространением так называемых таргетированных, или умных, санкций [Drezner 2015], направленных на отдельные организации и физические лица, а не государства в целом, появлялись работы, изучающие влияние ограничительных мер на поведение бизнеса, в том числе в свете риска вторичных санкций и принудительных мер [Early, Preble 2018; Timofeev 2019; Тимофеев 2020]. Это далеко не полная выборка современных исследований, которая показывает богатство повестки теорий среднего уровня применительно к ограничительным мерам. Условно их можно назвать теориями эффективности санкций. Они базируются либо на обобщении множества случаев, либо на детализированном изучении отдельных кейсов.

Вместе с тем теории эффективности санкций так и не стали частью более общей теории международных отношений. То же можно сказать и о политической теории в целом. На то были свои причины. Фундаментальная теория мало что давала прикладным исследованиям политики санкций – дистанция между общими категориями и конкретными прикладными проблемами оказывалась слишком большой. Кроме того, последние 30 лет, на которые и пришелся расцвет исследований санкций, характеризовались относительно стабильной международной средой. Развитие политики санкций шло в рамках "либерального мирового порядка". Ученые точно уловили многие его тенденции, в том числе упомянутое распространение таргетированных санкций, использование ограничительных мер "новыми инициаторами", такими как ЕС [Meissner 2022; Giumelli, Hoffmann, Ksiazczakova 2020; Portela 2010]. Однако для изучения указанных тенденций тоже хватало теорий среднего уровня. Общие теории были для них избыточными в том числе и потому, что сами основы международных отношений после окончания холодной войны революционных изменений не претерпевали.

Сегодня ситуация меняется, а вместе с ней должно меняться и отношение к роли фундаментальной теории. Во-первых, исследований среднего уровня накоплено столь много, что возникает потребность в более фундаментальных категориях, способных в той или иной степени обобщить их [Jaeger 2018; Ананьев 2019]. Во-вторых, наметились признаки слома того мирового порядка, который воспринимался как сама собой разумеющаяся среда для исследователей. Подобные изменения ведут и к смене характера применения

санкций. Их применение вновь смещается к политике великих держав (США, КНР, Россия), а не преимущественно к отношениям между страной-лидером (США) и "странами-изгоями" (КНДР, Иран, Афганистан и др.). Обращение к фундаментальной теории в подобных условиях имеет и прикладной смысл, так как даже самые точные эмпирические расчеты, выполненные в устаревших или неадекватных категориях, способны дать неверные результаты. Для России это особенно актуально в свете резкого усиления санкционного давления на страну после февраля 2022 г., хотя вопросы о российской стратегии в условиях санкций поднимались и ранее [Likhacheva 2019].

Целью предлагаемой статьи является оценка применимости ключевых теорий международных отношений к исследованию политики санкций в меняющихся международных условиях. Основной тезис состоит в том, что в условиях трансформации мирового порядка подрываются сложившиеся механизмы взаимозависимости между государствами. На уровне фундаментальной теории такие изменения возвращают на повестку дня категории реализма, расширяя "слепые зоны" неолиберальной теории МО. Однако рано или поздно могут возникнуть новые структуры взаимозависимости государств, заставляя ученых, в свою очередь, вновь выходить за пределы категорий реализма. Кроме того, независимо от динамики мирового порядка сохраняется актуальность конструктивизма и "социологических теорий" МО. Они позволяют объяснить политику санкций в терминах идей и норм. Более широкий инструментарий политической науки и смежных дисциплин оставляет пространство для объяснения внешней политики через специфику принятия решений и внутреннего устройства государств.

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ В КАТЕГОРИЯХ РЕАЛИЗМА

Реализм – одна из "канонических" теорий международных отношений. Отталкиваясь от идеи Августина Блаженного о двойственной природе человека, реалисты делают акцент на разрушительном потенциале человеческой природы [Niebuhr 1987]. Международные отношения анархичны – в них нет внешней силы, которая могла бы иметь монополию на насилие. Государства вынуждены жить в состоянии "гоббсовского страха", т.е. постоянного риска враждебных действий со стороны остальных. Страх заставляет балансировать силу других своей силой или же формировать коалиции для подобного балансирования. Поэтому международные отношения обречены на конфликтность и конкуренцию. Их смысл состоит в борьбе за власть, т.е. способность одних государств навязывать свою волю другим. Политика государства по своей сути рациональна в том смысле, что государства на международной арене преследуют определенные интересы, подкрепляя их своими силовыми потенциалами [Morgenthau 1946].

Для изучения политики санкций упомянутые допущения реализма дают удобную понятийную рамку. Санкции – инструмент достижения внешнеполитических целей в условиях конфликта. Это средство принуждения оппонента к выполнению тех или иных требований или же подрыва его потенциала. Экономические ограничения – одна из разновидностей силовой политики. Она не идентична применению военной силы, но чревата материальным ущербом для страны-мишени. Экспорт капитала и контроль рынков, равно как и порождаемые ими экономические ограничения, – эффективные инструменты на международной арене [Carr 2001]. Иными словами, в условиях

анархичных международных отношений, борьбы за власть и выживание санкции – одна из составляющих в инструментарии прагматичного государственного деятеля, продвигающего интересы страны. При этом для реалистов нет большой разницы во внутренних особенностях государств. Это "бильярдные шары", логика поведения которых на международной арене не зависит от их внутреннего устройства. Санкции применяют и демократии, и автократии. Главное – наличие подходящих экономических возможностей, которые можно было бы использовать в качестве политического рычага.

Удобство реализма состоит в том, что он позволяет объяснить мотивы применения санкций конкретными национальными интересами, а также операционализировать их возможности в виде анализа существующих экономических потенциалов, меры их использования в политических целях, наносимого ущерба и результатов в виде смены политического курса страны-мишени в сторону желаемых целей страны-инициатора. Неореализм добавляет в эту схему категории системного анализа [Waltz 2010]. Политику санкций можно рассматривать с точки зрения распределения мощи в системе международных отношений. Чем больше экономический вес того или иного элемента, тем большим потенциалом для его политического использования он может обладать. Несмотря на впечатляющий прогресс глобализации, международные отношения остаются анархичными, государства запрограммированы на преследование своих интересов и наступательную политику, а максимизация экономической мощи остается среди их целей наряду с гегемонией и военным превосходством [Mearsheimer 2001]. Неореалисты не исключают значимости международных рынков и глобализации, но полагают, что такие "общие блага" требуют лидерства доминирующей державы [Gilpin 2000].

Реализм позволяет выстраивать и понятную систему гипотез. Например, чем больше экономический потенциал страны, тем выше вероятность того, что она будет использовать свои экономические возможности для достижения политических целей; чем больше экономического ущерба санкции наносят стране-мишени, тем выше вероятность ее подчинения требованиям государства-инициатора; чем выше разрыв экономических потенциалов между инициатором и мишенью, тем более уязвима страна-мишень. Сами по себе такие гипотезы остаются на повестке дня и требуют эмпирических данных для проверки.

Впрочем, система допущений реализма оставляет целый ряд серьезных пробелов. Так, например, в категориях реализма трудно объяснить, почему страны или объединения, обладающие сопоставимым экономическим весом, в разной степени используют санкции. Почему, например, ЕС и Китай заметно уступают США по числу вводимых санкций, хотя экономически они плотно приблизились к США? Почему Великобритания применяет санкции чаще, чем, например, Индия, Россия или тот же Китай? Оказывается, что экономический потенциал сам по себе не обязательно конвертируется странами в политический инструмент.

Другой пробел состоит в том, что в таких категориях трудно объяснить "санкционный парадокс", описанный еще четверть века назад Д. Дрезнером [Drezner 1999]: почему степень ущерба стране-мишени непропорциональна ее уступкам? Почему колоссальное давление на такие страны, как Иран, КНДР или Россия, не меняет их курс десятилетиями, но при этом заметно более слабое давление США на своих союзников, таких как Израиль, Турция или Южная Корея, в виде минимальных санкций ведет к уступкам?

Третий пробел определяется "слепотой" реализма в отношении внутренних процессов в государствах-инициаторах и государствах-мишенях. Для реализма процесс принятия решений по обе стороны баррикад аналогичен "черному ящику": известны "входы" в виде объема санкций и "выходы" в виде политического курса. Но непонятна природа и свойства "приводных ремней", которые превращают одно в другое. Непонятно, почему страны-мишени меняют свой политический курс (если вообще меняют) и какова роль санкций в подобных решениях? Также непонятен "черный ящик" в странах-инициаторах, где есть своя внутренняя логика принятия решений о санкциях. Почему, например, администрация Б. Обамы так и не смогла обеспечить устойчивость исполнения "иранской ядерной сделки" со стороны США? Почему администрация Д. Трампа столь легко смогла отказаться от нее и вернуть санкции в полном объеме?

Наконец, важным ограничением реализма стали изменения самой структуры международных отношений. На излете холодной войны реализм критиковался за "слепоту" в отношении таких явлений, как глобализация, рост экономической взаимозависимости государств и уплотнение социальных связей. Отрефлексировать новые явления и частично компенсировать "слепоту" реализма помогали категории неолиберальной теории МО, развитие которой подстегнуло окончание холодной войны.

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ В КАТЕГОРИЯХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

В отличие от реализма с его акцентом на неразрешимости проблемы анархии в международных отношениях, неолиберализм исходит из принципиальной возможности ее решения или хотя бы снижения ее остроты. Интеллектуальные корни неолиберализма в науке МО уходят в либеральные (идеалистические) концепции, формировавшиеся еще в XVII-XIX вв. [Трактаты о вечном мире 2003]. Своеобразным каркасом идеализма стал "треугольник мира" И. Канта [Кант 1966]. Он предполагал в качестве средства от войны и агрессии распространение республиканской формы правления (демократии не воюют), формирование наднациональных сообществ, а также укрепление торговых связей (экономической взаимозависимости), которые делали бы войну и анархию невыгодными. В первой половине XX в. либеральный идеализм был прочно связан с именем Вудро Вильсона. Его знаменитые "14 пунктов" очертили основы международных отношений, которые должны были положить конец войне как таковой, а не только закрепить мир как временную передышку между войнами ["14 пунктов"... 2018]. Неудача Лиги Наций в деле предотвращения войны и новый глобальный конфликт закономерно сделали идеи либералов-идеалистов маргинальными на фоне востребованности и торжества реализма.

В 1970-1980-х годах вновь стали накапливаться предпосылки к изменению мирового порядка. Напряженность между двумя блоками постепенно снижалась, хотя процесс был неровным. Набирала обороты экономическая глобализация, ускоряемая развитием информационных технологий. Сами отношения между государствами приобретали новое качество. Рефлексируя новые реалии, Роберт Кохейн и Джозеф Най стали развивать категорию комплексной взаимозависимости современных государств, хотя само понятие появилось еще в 1920-х [Keohane, Nye 1977]. Ученые-международники не отрицали акцент реализма на вопросах безопасности, но шли дальше, постулируя усложнение связей между государствами, появление сетей взаимозависимости, расширение инструментария власти и влияния, появление новых акторов международных

отношений, “гибридизацию” мировой политики [Alekseeva, Lebedeva 2018]. “Третья волна демократизации” после окончания холодной войны, развитие международных организаций, а также вовлечение в процессы глобализации стран бывшего социалистического блока спровоцировали новую волну интереса к исследованиям “треугольника мира” (см., например, [Oneal, Russet 1999]).

Казалось бы, “прекрасный новый мир” глобализации и демократизации должен был отодвинуть на третий план проблему власти в международных отношениях. На деле комплексная взаимозависимость породила новые типы иерархии и отношения власти. Г. Фаррелл и А. Ньюман предложили оригинальную концепцию “вепонизированной взаимозависимости” (*weaponized interdependence*). Они обратили внимание на то, что, хотя изучение комплексной взаимозависимости стало прорывом в теории МО, такие новые явления, как сети финансовых связей, глобальные цепочки поставок и информационные сети, во многом остались за пределами внимания дисциплины и мало повлияли на теорию. Между тем порождаемые государствами многочисленные сети и структуры взаимозависимости оказались асимметричными. Выделяется небольшая группа стран и корпораций, которые превращаются в ключевые узлы таких структур, замыкая на себя транзакции, обмен информацией или иные процессы. В центре многих сетей укрепились США или американские компании. В иных случаях такие хабы образовывались в союзных США странах, но у американских властей не возникало серьезных проблем с их использованием. Доступ к ключевым узлам сетей позволял, с одной стороны, получать беспрецедентный доступ к информации о финансовых транзакциях, поставках товаров и услуг, а также информационным потокам социальных сетей по всему миру. С другой стороны, он давал возможность использовать их в политических целях, вытесняя из сетей отдельные страны, организации и даже отдельные лица [Farrell, Newman 2019].

Появление подобных асимметричных сетевых структур определило новые горизонты в политике санкций. Глобализация американского доллара как средства международных транзакций вооружила финансовую разведку США широкими возможностями отслеживания долларовых транзакций по всему миру. После терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Вашингтон стал широко использовать такие данные для выявления финансовых сетей террористов и последующего блокирования их активов и счетов. Кроме того, финансовые власти США тесно сотрудничали с зарубежными финансовыми институтами, в том числе с расположенным в Бельгии оператором системы передачи финансовых сообщений SWIFT. Однако постепенно блокирующие финансовые санкции перестали исчерпываться преследованием террористов, международных преступных групп, наркоторговцев или военных преступников. Они получили более широкое распространение в противодействии государствам, которые США считали своими противниками. Наиболее ярким примером можно считать КНДР и Иран, в отношении которых блокирующие финансовые санкции применялись весьма активно [Nephew 2018; Timofeev 2018; Zarate 2013]. Блокирующие санкции вошли в инструментарий ограничительных мер СБ ООН [Beirsteker, Tourihno 2016], хотя США систематически “достраивали” режимы ограничений ООН своими односторонними санкциями [Brzoska 2015]. Их стал активно применять Европейский союз и отдельные страны, включая Великобританию, Швейцарию, Японию, Австралию, Канаду, а с недавнего времени – Китай и Россия. Вместе с тем именно в руках США данные санкции были в наибольшей степени сопряжены с уникальным поло-

жением США в мировых финансах, а также развитым механизмом наказания как американских, так и зарубежных лиц за нарушение режима санкций США по всему миру. Симптоматично, что к 2021 г. США применяли ограничительные меры чаще, чем все остальные страны вместе взятые, и большая часть таких ограничений представляла собой блокирующие финансовые санкции [Timofeev 2021b].

Широкое применение финансовых блокировок породило понятие "умных", или "таргетированных", санкций. Оно предполагало использование ограничений в отношении отдельных физических лиц и организаций, а не страны-мишени в целом. Такой подход противопоставлялся "ковровым бомбардировкам" экономики в духе XX в. Санкции против Ирака в начале 1990-х годов показали, что подобные "бомбардировки" экономики приводят к колоссальному ущербу для населения, однако мало влияют на благополучие политических элит. "Умные санкции" теоретически могли считаться более гуманными и лучше калиброванными для нанесения ущерба элитам или отдельным враждебным лицам. На деле оказалось, что "умные санкции" вполне могут сравниться по своему разрушительному потенциалу с эмбарго образца XX в. [Gordon 2019; Hatipoglu, Peksen 2018].

В условиях долларизации мировых финансов любая заблокированная американцами компания оказывалась вытесненной из привычных на тот момент международных экономических связей. Учитывая жесткую политику вторичных санкций (т.е. блокирования зарубежных лиц за взаимодействие с ранее заблокированными американцами лицами), финансовых штрафов и уголовного преследования американскими властями нарушителей режимов санкций, их санкционные режимы стал исполнять крупный бизнес по всему миру. Формально правительство той или иной страны могло выступать против санкций США или не присоединяться к ним. Но бизнес предпочитал подчиняться американскому законодательству, опасаясь ущерба от вторичных санкций или правоприменительных мер со стороны Вашингтона. Причем подобная тенденция наблюдалась как в союзных США странах, так и в тех, кого можно было считать относительно суверенными – в Индии, Китае и России. На практике США не удавалось полностью изолировать Иран, КНДР или иные страны-мишени даже с учетом мощного прессинга на международный бизнес и интернационализации санкций на базе ООН. Перекрыть все каналы их внешних связей, в том числе теневые схемы, было попросту невозможно. Однако Вашингтон вытеснил их в число маргиналов, заставив следовать своим требованиям "мейнстрим" мирового бизнеса. Политика санкций стала превращаться в политику "черных списков" [Goede, Sullivan 2016] – реестров заблокированных лиц, или же лиц, подпадающих под иные ограничения, такие как секторальные финансовые санкции, запреты на использование корреспондентских счетов и т.п.

Расцвет финансовых санкций несколько отодвинул в тень привычные для XX в. торговые ограничения. Впрочем, и здесь глобализация и комплексная взаимозависимость сыграли свою роль. В мировых цепочках поставок и создания добавленной стоимости широко представлены американские компоненты, технологии, программное обеспечение и т.п. Экспортный контроль США стал распространяться не только и не столько на товары, произведенные в самих США, сколько на товары с американскими компонентами (*De Minimis Rule*) или же произведенные по американским технологиям, на американском оборудовании и т.п. (*Foreign Direct Product Rule*). Иными сло-

вами, экспортный контроль США стал касаться как самих американских лиц, так и лиц в третьих странах, связанных прямо или косвенно с цепочками производства и поставок с американским участием. Здесь США также активно преследовали нарушителей. Например, попытки китайской ZTE поставить товары с американскими компонентами в Иран закончились уголовным делом и штрафом более чем в миллиард долларов США, а предполагаемая работа с Ираном через подконтрольную компанию-посредника – уголовным преследованием финансового директора китайской *Huawei* [Кашин, Тимофеев 2020]. В области экспортного контроля тоже получила распространение практика "черных списков", таких как *Entity List* Минторга США. Экспортный контроль совершенствовался и в других странах. ЕС, Япония, Канада и другие страны так или иначе вели координацию с США в области контроля поставок вооружений и двойных технологий. Тем более что практика такой координации существовала еще в период холодной войны в отношении СССР (COCOM) и КНР (CHICOM).

Теоретическая рамка неолиберализма давала возможность более точно в сравнении с реализмом рефлексировать новые аспекты применения санкций, принимая во внимание глобализацию мировых финансов, асимметричные сети и порождаемые ими отношения власти и принуждения. Она также позволяла заглянуть внутрь "черного ящика" – процесса принятия решений о санкциях, а также внутренних процессов в странах-мишенях, связанных с противодействием санкциям. Однако заглядывая внутрь "черного ящика", неолиберализм фокусировался на проблеме демократии и политического режима, упуская более широкий круг институтов и процессов внутри стран-инициаторов и стран-мишеней.

Куда как более проблемная "слепая зона" неолиберализма состояла в том, что экономическая рациональность и блага комплексной взаимозависимости далеко не всегда страхуют от международных кризисов. Интересы безопасности государства в какой-то момент могут перевесить выгоды от глобальной экономики. Иными словами, государство при определенных обстоятельствах вполне может пойти на колоссальные потери от выдавливания из глобальных и американоцентричных экономических связей. Открытым оставался вопрос о том, почему Иран, КНДР, Венесуэла или Сирия бросали вызов США, обрекая себя на крупные экономические потери. Такие вопросы можно было бы считать второстепенными для фундаментальной теории до тех пор, пока речь шла об относительно небольших странах. Но его трудно игнорировать тогда, когда в эпицентре политики санкций оказывается такая крупная страна, как Россия, и в растущей степени – Китай. По мере изменений мирового порядка, сложившегося после холодной войны, "слепые зоны" неолиберальной теории могут разрастаться, определяя потребность в альтернативных теоретических схемах.

ВОДОРАЗДЕЛ 2022 ГОДА

Признаки крупных изменений "либерального мирового порядка" применительно к политике санкций стали явно проявляться во второй половине 2010-х годов. Ключевым стал рост количества и качества ограничительных мер США и их союзников против России и КНР. Если раньше "умные санкции" применялись в основном против относительно узкой группы "стран-изгоев", чья роль в мировой экономике была незначительной, то начиная с 2010-х годов политика санкций стала фокусироваться на значительно более крупных игроках.

В отношении России они стали разворачиваться в 2012 г. по тематике прав человека. С 2014 г. темп их нарастания усилился на фоне украинского кризиса, а затем и ряда других политических поводов в области цифровой безопасности, предполагаемого использования отравляющих веществ, ситуации на Ближнем Востоке и др. Вместе с тем вплоть до февраля 2022 г. ограничения оставались умеренными. Они не приводили к фундаментальному разрыву с западноцентричной финансовой системой и цепочками поставок.

В отношении Китая число применяемых санкций стало увеличиваться в период президентства Д. Трампа. Ключевой удар был нанесен по компаниям телекоммуникационного сектора – они попали под экспортный контроль по поставкам полупроводников и иных компонентов. Конгресс принял законы по правам человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и демократии в Гонконге. Дж. Байден отменил наиболее противоречивые указы Трампа, однако общая линия на применение санкций в отношении КНР сохранилась. Сам Китай начал предпринимать энергичные усилия по снижению зависимости своей экономики и финансовой системы от зарубежной инфраструктуры [Кашин, Тимофеев 2020]. Свои меры по адаптации к зарубежным санкциям предпринимала и Россия [Тимофеев 2021].

Впрочем, нарастание давления санкций на Россию и Китай имело разную мотивацию. В случае России речь шла скорее о трансляции политических сигналов и реакции на существенные, но все же локальные проблемы. Их можно было считать реактивными, ситуативными и даже конъюнктурными. В случае Китая санкции являются частью долгосрочных усилий по сдерживанию технологического развития растущей державы. Именно Китай рассматривается в США как фундаментальный вызов американскому лидерству, куда как более серьезный в сравнении с вызовами из Москвы[1]. Тем не менее революционные изменения политики санкций произошли именно на российском направлении. После окончания холодной войны Россия стала первой крупной державой, открыто бросившей вызов коллективному Западу и сознательно принявшей риски экономических потерь от разрыва торговых связей с западными партнерами из соображений безопасности.

После начала специальной военной операции на Украине США и их союзники использовали в отношении РФ практически весь возможный инструментарий ограничительных мер: блокирующие финансовые санкции, секторальные ограничения, резкое ужесточение экспортного контроля в отношении промышленных товаров, оборудования и ряда других товаров и услуг, запреты на поставки товаров, включая нефть, уголь, продукцию черной металлургии, золота и т.п. В перечень ограничений вошли и запреты на доступ в порты и аэропорты и иные транспортные санкции, запреты на инвестиции, ограничение вещания ряда российских СМИ и т.п. В списках заблокированных лиц – большинство крупных российских банков, промышленных компаний и корпораций, а также их владельцы и менеджеры. В рекордно короткие сроки в отношении России был введен объем санкций, которые использовались в отношении Ирана в течение десятилетий. Формальные санкции западных государств были дополнены корпоративными бойкотами сотен западных компаний. Здесь же – приостановка работы целого ряда фирм из незападных стран, опасающихся вторичных санкций, потери западных рынков и принудительных мер со стороны властей

[1] U.S. National Security Strategy 2022. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed 01.11.2022).

США и других инициаторов санкций. Санкции привели к колоссальным потерям российской экономики. Однако ее обрушения не произошло, а Москва сохранила и даже ужесточила свой политический курс [Timofeev 2022].

Текущий кризис отношений России и Запада, а также "цунами" антироссийских санкций, по всей видимости, знаменуют собой точку бифуркации. Она может породить, как минимум, два исхода. Первый – запуск текущим кризисом масштабных изменений мировых финансов и трансформация существующих сетей взаимозависимости. Россия становится первой крупной державой, которая вынужденно отказывается от массового применения доллара США и других западных валют из-за финансовых санкций. Возможна переориентация на использование китайского юаня в качестве относительно универсального средства платежей в российской торговле, хотя процесс такого перехода может затянуться. Сам Китай ведет дело к отсоединению от американоцентричной финансовой системы, хотя предпочитает скорее эволюционные, нежели революционные изменения. Рано или поздно Китай может стать самостоятельным финансовым хабом, а Россия – крупным игроком в синоцентричной финансовой системе. Одновременно могут идти изменения цепочек добавленной стоимости, с учетом растущего давления экспортного контроля США на Китай.

Второй исход – поглощение резонанса текущего кризиса существующей структурой финансово-экономических сетей, узловым центром которых являются США. Подобный сценарий не исключен с учетом того, что западные рынки по-прежнему остаются привлекательными для крупных незападных стран, а американский доллар – удобным средством платежей. В данном сценарии США смогут удержать свое лидерство, добившись вытеснения России на еще более маргинальные позиции. Логика ее внешней торговли и финансовых операций будет близка к иранской модели.

В обоих исходах категории комплексной взаимозависимости и "вепонизированной взаимозависимости" сохранят свою актуальность. В первом сценарии данные категории позволят изучать новые сетевые структуры, образуемые вокруг Китая и США как двух относительно автономных хабов. Во втором сценарии речь пойдет об изучении уже существующей структуры, сумевшей погасить вызов со стороны России и избежать резкого разрыва с Китаем. Несмотря на сохранение очевидных "слепых зон", обе категории останутся весьма полезными в изучении современной политики санкций и обобщении эмпирических исследований.

Впрочем, возможен и третий вариант, при котором разрыв Китая и США произойдет в результате скоротечного обрушения отношений и быстрой эскалации соперничества. Предпосылки такого сценария, очевидно, накапливаются, а триггером может стать крупный инцидент с использованием военной силы. Например, силовое решение тайваньской проблемы. Подобная перспектива вновь актуализирует категории реализма с их акцентом на страхе, выживании и защите интересов безопасности любой ценой. В случае такой конфронтации существующие сети взаимозависимости могут быть попросту сметены конфронтацией крупных игроков. Формирование новых сетей потребует времени, тогда как в период кризиса, транзита и конфронтации именно реализм может вернуть себе роль востребованной теоретической модели. Если смотреть на международные отношения с точки зрения России, то реализм становится адекватной теоретической рамкой с учетом быстрого вытеснения из существующих сетей взаимозависимости. Возникает вопрос, зачем использовать категории взаимозависимости применительно к российскому случаю там, где включенности страны

в привычные структуры взаимозависимости уже не существует или они носят остаточный характер? Впрочем, такие структуры сохраняются в отношениях других игроков, а значит, отказ от категории взаимозависимости для анализа политики санкций в глобальной перспективе явно преждевременен.

Вряд ли следует обходить вниманием и другие теории международных отношений. После окончания холодной войны большую популярность приобрела конструктивистская теория. В отличие от реализма и либерализма с их акцентом на конкретных материальных факторах поведения государств (борьба за власть, национальный интерес, экономические взаимосвязи, сети взаимозависимости и др.), конструктивизм пытается объяснить их идейными факторами – нормами поведения международных сообществ, коллективными идентичностями и т.п. Такие понятия, как безопасность, анархия или интерес, также рассматриваются конструктивистами как идейные конструкции, смысл которых может меняться от страны к стране и от эпохи к эпохе. Международные конфликты возникают не только и не столько из-за дефицита ресурсов или материальных противоречий, сколько из-за столкновений смыслов, идей, идентичностей и идеологий. Речь может идти как о нормах, разделяемых отдельными сообществами государств (например, "западным сообществом"), так и нормативных представлениях отдельных государств, их лидеров или элит [Wendt 1999; Haas 2007].

В изучении политики санкций конструктивизм вполне может заполнить некоторые "слепые зоны" реализма и либерализма. Например, в поведении крупных корпораций явно наметились нормы избыточного подчинения требованиям санкционному законодательству США. Будучи изначально мотивированными угрозами высоких штрафов, вторичных санкций или отлучения от рынка, такие нормы со временем стали превращаться в привычную рутину, а нормы комплаенса – в нарратив функционирования компаний. Кроме того, политика санкций часто сопровождается стигматизацией стран-мишеней, информационной атакой на них в глобальных СМИ. В конечном счете они превращаются в "государства-парии", т.е. санкции переходят границы формальных правовых установлений и становятся неформальными этическими нормами. Стигматизация страны-мишени и "культура отмены" могут объяснить, почему сотни западных компаний покинули российский рынок в 2022 г. даже в тех случаях, когда их работе не мешали формальные санкции.

Еще большим потенциалом конструктивизм обладает в проникновении в "черный ящик", т.е. в систему норм и установок внутри государства. Он может объяснять, почему одни страны идут на колоссальные лишения и десятилетиями не сдают позиций под ударами санкций, а другие принимают требования инициаторов даже при минимальных уколах санкциями. В первом случае речь может идти о ценностном и мировоззренческом конфликте, во втором – о близости нормативных установок. Подобная гипотеза требует тщательной эмпирической проверки, но в случае подтверждения она могла бы объяснить "санкционный парадокс", описанный Дэниелом Дрезнером.

Проблема с конструктивизмом состоит в том, что он может существенно усложнять эмпирическое исследование, вводя в него множество социальных переменных. Их операционализация возможна далеко не всегда. Разнообразие норм и социальных конструктов на уровне отдельных стран также усложняет обобщение полученных результатов. Однако такая схема кажется вполне пригодной для глубинного изучения отдельных случаев применения санкций против тех или иных стран.

Наконец, в исследовании санкций может быть востребован и потенциал неомарксизма. Данная теория вновь возвращает нас к материальным факторам. Понятия "ядра" и "периферии" дают понятийную рамку для объяснения того, почему санкции использует лишь узкая группа стран. Сам инструмент санкций можно рассматривать в контексте современных форм империализма и неоколониализма, существующего в более мягких, но не менее эффективных формах господства и подчинения. Сильной стороной неомарксизма можно считать и обращение к лонгитюдным историческим исследованиям, поднимающим социально-экономический контекст политических действий государств на международной арене. Неомарксизм также содержит понятийный аппарат объяснения международных кризисов, порождаемых кумулятивным эффектом материальных противоречий [Валлерстайн 2001; Десаи 2020]. Потенциал неомарксизма в исследовании политики санкций представляется нераскрытым, однако возможности данной теории должны быть предметом отдельного исследования.

* * *

Современная теория международных отношений дает исследователю целый ряд удобных концептуальных схем. Подобные схемы выделяются и в "канонических" теориях, и в относительно новом конструктивизме, и в остающемся в тени, но от того не менее продуктивном неомарксизме. В теории МО образуется и ряд альтернативных направлений – от "квантовых концепций" до постмодернистских исследований [Алексеева 2012; Алексеева, Минеев, Лошкарев 2017]. В то же время общей проблемой исследования политики санкций остается их застревание на уровне теории среднего уровня, а также их слабая связь с фундаментальными теориями. Категории таких теорий могли бы систематизировать множество эмпирических исследований в области санкций. Текущие изменения мирового порядка требуют осторожности в их выборе и понимания "слепых зон", т.е. исследовательских вопросов, которые они не в состоянии объяснить.

Неолиберальное понятие комплексной взаимозависимости и концепция ее "вепонизации" остаются применимой теоретической рамкой с учетом того, что "либеральный мировой порядок" и порождаемые им структуры отношений между государствами пока сохраняются, несмотря на явные признаки кризисных явлений. Более того, сама идея комплексной взаимозависимости сохранит свою актуальность даже в том случае, если мировой порядок перестанет быть "либеральным", а США и Запад утратят свое лидерство. На их месте возникнут новые сети взаимозависимости. В будущем они также могут быть "вепонизированы", в том числе посредствам санкций. То есть сама категория взаимозависимости имеет высокий познавательный потенциал.

Вместе с тем конфликт России и Запада, а также нарастание противоречий между США и КНР расширяют "слепые зоны" концептуальных моделей взаимозависимости. Турбулентность международных отношений и рост соперничества крупных держав могут сломать привычный взаимозависимый мир, тогда как процесс формирования новой структуры имеет шансы затянуться. Реализм превращается в более адекватную схему познания конфронтационного мира, включая политику санкций. Строго говоря, реализм и не терял своей актуальности – проверка целого ряда упомянутых реалистских гипотез о политике санкций остается востребованной, хотя присущие ему ограничения не решаются самим фактом транзита мирового порядка. Аналитический инструментарий неомарксизма также имеет потенциал в исследовании кризисных явлений, в том числе в категориях мир-системного анализа.

Конструктивизм дает возможности проникновения на уровень нормативных и социальных структур, порождаемых международным взаимодействием, а также внутрь "черных ящиков" – систем восприятия санкций и их последствий внутри государств-инициаторов и государств-мишеней. Полноценная работа внутри "черного ящика" нуждается в междисциплинарном подходе и выходе за пределы дисциплины МО. Изучение институционального механизма политики санкций возвращает к исследованиям юристов и политологов, а экономической сути происходящих процессов – к экономической науке. Однако сам факт, что политика санкций остается инструментом принуждения в отношениях между государствами, существующими в условиях анархичных международных отношений, оставляет их в дисциплинарном поле науки МО. Междисциплинарный синтез в данном случае приведет к обогащению международных исследований, а не к их размыванию. С учетом того, что Россия находится в эпицентре современной политики санкций, перед отечественной наукой встает как задача проведения профессиональных эмпирических исследований, так и необходимость их теоретических обобщений с выходом за пределы теорий среднего уровня.

DOI: 10.17976/jpps/2023.02.08

POLICY OF SANCTIONS IN A CHANGING WORLD: THEORETICAL REFLECTION

I.N. Timofeev[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

TIMOFEEV, Ivan Nikolayevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of the Department of Political Theory, MGIMO University, email: itimofeev@russiancouncil.ru

Timofeev, I.N. (2023). Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political Studies*, 2, 103-119. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08

Received: 31.10.2022. Accepted: 07.12.2022

Abstract. In recent years, International Relations (IR) scholars have accumulated an impressive amount of empirical research on the use of sanctions as a part of a foreign policy toolbox. Empirical generalizations galvanized the development of middle-range theories, concentrated on sanctions and related phenomena. However, the amount of empirical literature is already so vast, that the need to develop fundamental categories to generalize these findings emerges as an academic challenge. The challenge is further influenced by the contemporary changes taking place in the international world order. It faces towering competition between great powers and the rising use of sanctions by the U.S. and Western allies against Russia and China, while for a long time sanctions had been mainly concentrated on smaller "pariah" states. The apparent transformation of international realities requires a reconsideration of the fundamental IR categories to approach the issue. Fundamental theory emerges as a practical tool to navigate an increasingly turbulent international realm. Such a challenge is especially relevant for the Russian academic community, which needs to reflect on the current "sanctions tsunami" against Russia. The goal of the article is to revisit major IR theories in relation to the policy of sanctions in changing world order. The key point implies that the disruption of the post-Cold War complex interdependence due to rising competition of great powers may undermine the utility of neoliberal concepts to approach sanctions. Realism may turn into mainstream theory again, approaching sanctions as a mean of power politics in increasingly anarchical world.

Keywords: sanctions, policy of sanctions, IR theory, realism, neoliberalism, constructivism.

References

Alekseeva, T., & Lebedeva, M. (2018). Hybridization in the era of globalization. *Age of Globalization,* 4, 65-71.

Bapat, N., Clifton, M., & Kobayashi, Y. (2014). The threat of imposition of sanctions: updating the ties dataset. *Conflict Management and Peace Science,* 31(5), 541-558. https://doi.org/10.1177/0738894213520379

Bapat, N.A., Heinrich, T., Kobayashi, Y., & Morgan, C. 2013. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data. *International Interactions,* 39, 79-98. https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298

Beirsteker, S.E., & Tourihno, M. (Ed.). (2016). Targeted sanctions. The impacts and effectiveness of United Nations action. New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290

Brzoska, M. (2015). International sanctions before and beyond UN Sanctions. *International Affairs,* 91(6), 1339-1349. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12449

Carr, E. (2001). The twenty years' crisis. London: Palgrave.

Christen, E., Fritz, O., Hinz, J., & Sinabell, F. (2017). Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward. Report of EU Parliament Policy Department, Directorate General for External Policies. https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603847/EXPO_STU(2017)603847_EN.pdf

Connolly, R. (2018). Russia's response to sanctions. How Western economic statecraft is reshaping political economy in Russia. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108227346

Drezner, D. (1999). The sanctions paradox: economic statecraft and international relations. New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511549366

Drezner, D. (2015). Targeted sanctions in a world of global finance. *International Interactions,* 41, 755-764. https://doi.org/10.1080/03050629.2015.1041297

Early, B., & Preble, K. (2018). Enforcing economic sanctions: analyzing how OFAC punishes violators of U.S. sanctions. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3306653 (accessed 23.10.2022).

Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized interdependence. How global economic networks shape state coercion. *International Security,* 44(1), 42-79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351

Gilpin, R. (2000). The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9780691186474

Giumelli, F. (2016). The purposes of targeted sanctions. In T. Beirsteker, S. Eckert, & M. Tourihno (Ed.), *Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action* (pp. 38-59). New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316460290.003

Giumelli, F., Hoffmann, F., & Ksiazczakova, A. (2020). The when, where and why of European Union sanctions. *European Security*, 30 (1), 1-23. https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685

Goede, M. de, & Sullivan, G. (2016). The politics of security risks. *Environment and Planning D: Society and Space,* 34(1), 67-88. https://doi.org/10.1177/0263775815599309

Gordon, J. (2019). The not so targeted instrument of asset freezes. *Ethics and International Affairs,* 33(3), 303-314. https://doi.org/10.1017/S0892679419000315

Grauvogel, J., & Soest von, C. (2014). Claims to legitimacy count: why sanctions fail to instigate democratization in authoritarian regimes. *European Journal of Political Research,* 53, 635-653. https://doi.org/10.1111/1475-6765.12065

Haas, M. (2007). The ideological origins of great power politics, 1789-1989. Ithaka: Cornell University Press.

Haggard, S., & Noland, M. (2017). Hard target. Sanctions, inducements, and the case of North Korea. Stanford: Stanford University Press.

Hatipoglu, E., & Peksen, D. (2018). Economic sanctions and banking crises in target economies. *Defense and Peace Economics,* 29(2), 171-189. https://doi.org/10.1080/10242694.2016.1245811

Hufbauer, G., Shott, J., Elliott, K., & Oegg, B. (2009). Economic sanctions reconsidered. 3rd ed. Washington DC: Peterson Institute for International Economics.

Jaeger, M.D. (2018). Coercive sanctions and international conflicts. London, New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315522432

Jones, L.C., & Portela, C. (2020). Evaluating the success of international sanctions: a new research agenda. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals,* 125, 39-60. https://doi.org/10.24241/rcai.2020.125.2.39/en

Keohane, R., & Nye, J. (1977). Power and interdependence: world politics in transition. Boston: Little Brown.

Likhacheva, A. (2019). Unilateral sanctions in a multipolar world. Challenges and opportunities for Russia's strategy. *Russia in Global Affairs,* 17(3), 109-131. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-109-131

Mearsheimer, J. (2001). The tragedy of great power politics. New York: W.W. Norton and Company.

Meissner, K. (2022). How to Sanction International Wrongdoing? The Design of EU Restrictive Measures. *The Review of International Organizations,* 18, 61-85. https://doi.org/10.1007/s11558-022-09458-0

Morgenthau, H. (1946). Scientific man vs. power politics. Chicago: University of Chicago Press.

Nephew, R. (2018). The art of sanctions. A view from the field. New York: Columbia University Press. https://doi.org/10.7312/neph18026

Niebuhr, R. (1987). Augustine's Political Realism. In McAfee, R.B. (Ed.), *The essential Reinhold Niebuhr: selected essays and addresses*. New Haven: Yale University Press.

Oneal, J., & Russet, B. (1999). Assessing the liberal peace with alternative specifications: trade still reduces conflict, *Journal of Peace Research*, 36(4), 423-442. https://doi.org/10.1177/0022343399036004003

Portela, C. (2010). European Union sanctions and foreign policy. When and why do they work? London: Routledge.

Rosenberg, E., Goldman, Z., Drezner, D., & Solomon-Strauss, J. (2016). The new tools of economic warfare. Effects and effectiveness of contemporary U.S. financial sanctions. Centre for a New American Security.

Spadoni, P. (2010). Failed sanctions: why the U.S. embargo against Cuba could never work. Gainesville: University Press of Florida. https://doi.org/10.5744/florida/9780813035154.001.0001

Timofeev, I. (2019). Rethinking sanctions efficiency. Evidence from 205 cases of the U.S. government enforcement actions against business. *Russia in Global Affairs,* 17(3), 86-108. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108

Timofeev, I. (2021a). Sanktionen gegen Belarus. Grosser Schaden, Kleine Wirkung. *Osteuropa,* 10-12, 169-182. https://doi.org/10.35998/oe-2021-0084

Timofeev, I. (2021b). Sanctions against Russia: a look into 2021. Russian International Affairs reports. No 65. https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/sanctions-against-russia-a-look-into-2021/

Timofeev, I. (2022). Sanctions on Russia: a new chapter. *Russia in Global Affairs*, 20(4), 103-119. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119

Waltz, K. (2010). Theory of international politics. Long Grove: Waveland Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183

Wendt, A. (1999). Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Zarate, J. (2013). Treasury wars. The unleashing of a new era of financial warfare. New York: Public Affairs.

"14 punktov" Vil'sona sto let spustya: kak pereizobresti mirovoi poryadok ["The Fourteen Points" a hundred years later: how to reinvent the world order]. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russ.)

Alekseeva, T.A. (2012). "Cultural turn" in IR theory. *International Trends*, 10(3-4), 4-19. (In Russ.)

Alekseeva, T.A., Mineev, A.P., & Loshkariov, I.D. (2017). "Quantum-like" theory of decision making in political science. *Polis. Political Studies*, 4, 22-32. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03

Allison, G. (2002). Kontseptual'nye modeli i kubinskii raketnyi krizis [Conceptual models and the Cuban missile crisis]. In P.A. Tsygankov (Ed.), *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: khrestomatiya* [Theory of international relations: a textbook] (pp. 136-150). Moscow: Gardariki. (In Russ.)

Ananyev, B.I. (2019). Sanctions in IR: understanding, defining, studying. *International Organisations Research Journal*, 14(3), 136-150. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07

Andreeva, I.S., & Gulyga, A.V. (Ed.). (2003). Traktaty o vechnom mire [Treatises on eternal peace]. Moscow: Sotseukgiz. (In Russ.)

Desai, R. (2020). Geopolitical economy: after US hegemony, globalization and empire. (Russ. ed.: Desai, R. Geopoliticheskaya ekonomiya: posle amerikanskoi gegemonii, globalizatsii i imperii. Moscow: INIR im. S.Yu. Vitte).

Glandin, S.V., Kadysheva, O.V., & Keshner, M.V. (2018). Western sanctions and Russian business: compliance in the era of new challenges. *Electronic supplement to the Russian Juridical Journal*, 3, 149-152. (In Russ.)

Gurvich, E.T., & Prilepskii, I.V. (2016). The impact of financial sanctions on the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 5-35. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35

Kant, I. (1996). Zum ewigen Frieden. (Russ. ed.: Kant, I. K vechnomu miru. Sochineniya v shesti tomakh. Vol. 6. Moscow: Mysl').

Kashin, V.B., & Timofeev, I.N. (2020). Amerikano-kitaiskie otnosheniya: k novoi kholodnoi voine? [US-China relations: towards a new Cold War?]. Report of Valdai international discussion club. (In Russ.)

Kashin, V.B., Piatachkova, A.S., & Krasheninnikova, L.S. (2020). Chinese economic sanctions policy: theory and practice. *Comparative Politics Russia*, 2, 123-138. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024

Korgun, I.A., & Toloraya, G.D. (2022). On the question of effectiveness of sanctions against DPRK. *Polis. Political Studies*, 3, 80-95. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07

Kozhanov, N.A., & Issaev, L.M. (2019). Iran and sanctions: experience of overcoming and influence on socio-economic development. *Asia and Africa Today*, 7, 24-31. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3

Merton, R.K. (2006). Social theory and social structure. (Russ. ed.: Merton, R.K. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. Moscow: Khranitel').

Nestik, T.A., & Zhuravlev, A.L. (2018). Psikhologiya global'nykh riskov [Psychology of global risks]. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN". (In Russ.)

Primakov, D.Ya. (2019). Spetsial'nye vidy komplaensa. Antikorruptsionnyi, bankovskii, sanktsionnyi i rozysk arkhivov (forenzik) [Special types of compliance. Anti-corruption, banking, sanctions and search of archives (forenzik)]. Moscow: Infotropik Media. (In Russ.)

Simonov, V.V. (2015). Anti-Russian sanctions and the systemic crisis of the world economy. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 49-68. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-49-68

Timofeev, I.N. (2018). Economic sanctions as a concept of power politics. *MGIMO Review of International Relations*, 2(59), 26-42. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42

Timofeev, I.N. (2020). European paradox: U.S. sanctions against European business. *Contemporary Europe*, 2, 45-55. (In Russ.) https://doi.org/10.15211/soveurope220204555

Timofeev, I.N. (2021). Meeting the challenge of economic sanctions: Russian legislative and institutional perspective. *Financial Journal*, 13(4), 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23

Timofeev, I.N. (2022). An executive dimension of the U.S. sanctions policy. *World Economy and International Relations*, 66(3), 23-32. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32

Wallerstein, I. (2001). World-systems analysis: an introduction. (Russ. ed.: Wallerstein, I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire). Saint Petersburg: "Universitetskaya kniga".

Литература на русском языке

"14 пунктов" Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. 2018. М.: Центр стратегических разработок.

Алексеева Т.А. 2012. Химеры страны Оз. "Культурный поворот" в теории международных отношений. *Международные процессы*. Т.10. № 3-4. С. 4-19. EDN: QBCQUT

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. 2017. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 22-32. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03. EDN: ZBGHNH

Аллисон Г. 2002. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис. *Теория международных отношений*. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики. С. 271-295. EDN: YKUJFJ

Ананьев Б.И. 2019. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации. *Вестник международных организаций*. № 3. С. 136-150. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07. EDN: YNACQW

Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург: "Университетская книга".

Гландин С.В., Кадышева О.В., Кешнер М.В. 2018. Западные санкции и российский бизнес: комплаенс в эпоху новых вызовов. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 3. С. 149-152. EDN: XWCGHR

Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. 2016. Влияние финансовых санкций на российскую экономику. *Вопросы экономики*. № 1. С 5-35. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35. EDN: VGSOPP

Десаи Р. 2020. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте.

Кант И. 1966. К вечному миру. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль.

Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. 2020. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика. *Сравнительная политика*. Т. 11. № 2. С. 123-138. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10024. EDN: DXBKYE

Кашин В.Б., Тимофеев И.Н. 2020. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? Доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай". EDN: PFAWJM

Кожанов Н.А., Исаев Л.М. 2019. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие. *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 24-31. https://doi.org/10.31857/S032150750005565-3. EDN: DSHYHQ

Коргун И.А., Толорая Г.Д. 2022. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 80-95. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.07.

Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М.: Издательство "Хранитель".

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. 2018. Психология глобальных рисков. М.: Издательство "Институт психологии РАН". EDN: YNOGIH

Примаков Д.Я. 2019. Специальные виды комплаенса. Антикоррупционный, банковский, санкционный и розыск архивов (форензик). М.: Инфотропик Медиа.

Симонов В.В. 2015. Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики. *Вопросы экономики*. № 2. С. 49-68. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-49-68. EDN: THNLFT

Тимофеев И.Н. 2018. Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 26-42. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. EDN: XPUCKL

Тимофеев И.Н. 2020. "Европейский парадокс": политика санкций США в отношении бизнеса из стран ЕС. *Современная Европа*. № 2. С. 45-55. https://doi.org/10.15211/soveurope220204555. EDN: LFGSMR

Тимофеев И.Н. 2021. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт. *Финансовый журнал*. Т. 13. № 4. С. 8-23. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23. EDN: HDSTFT

Тимофеев И.Н. 2022. Политика санкций США на уровне исполнительной власти. *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. Т. 66. С. 23-32. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32. EDN: ISPDTG

Трактаты о вечном мире. 2003. Сост.: И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М.: Соцэкгиз.